

Шуна Райдер решила, что ей слишком больно для мертвеца, значит она не умерла. Когда она попыталась пошевелиться, ей стало еще больнее. Она не смогла молчать, так что внезапно старшина Бексо оказался стоящим над ее носилками.

"Хорошо...", - сказала она.

"Вы должны чувствовать себя довольно ужасно", - сказал Бексо ровным голосом.

"Я имею в виду..." Она имела в виду, что было приятно видеть его живым и на службе, а не то, что она чувствовала себя совсем хорошо. Она чувствовала себя значительно хуже, чем ужасно.

Потом ей стало еще хуже, потому что Бексо и другому медику — морскому защитнику — пришлось подвинуть ее, чтобы оказать помощь, и боль одержала еще одну победу над наркотиками. На этот раз она закричала.

"Мы всех забрали", - сказал Бексо почти шепотом, как будто громкий голос мог усилить боль Райдер. "Всех, кого мы смогли найти, даже мертвых. Вы на борту "Наутилуса". Мы едем домой."

Наутилус? Разве не существовала знаменитая подводная лодка с таким названием? Давным-давно, может быть, еще на Старой Земле. Это была не она. Палуба была деревянной и пахла рыбой. Она чувствовала и другие запахи. Она смутно помнила, что это были запахи лазарета.

Что ж, если ей так больно, то для нее имело смысл находиться только в лазарете.

Она также вспомнила, что это было хорошее место для того, чтобы наверстать упущенное время сна.

* * *

Контратака гражданина комиссара Тестаньера продолжалась до второго залпа с марионеточного бомбардировочного корабля. При первом же залпе солдаты Эвинофана обратились в бегство. Некоторые из них не бросили свое оружие, хотя все они "покинули поле боя", как говорится в старой фразе из учебников истории элиты.

"Те, кто цеплялся за свои винтовки, вероятно, думали, что их старшина вычтет их из жалованья", - пробормотал гражданин сержант Песку. У него было полдюжины незначительных ран и ожогов, но он выглядел готовым сражаться весь день.

Флотские держались до тех пор, пока снаряд второго залпа не разнес их главстаршину — чье имя Тестаньер хотел бы узнать — на куски. Тот же снаряд также ранил гражданина сержанта Песку в живот и обе ноги. Его борьба закончилась, и последней Полевая полиция последовала за флотскими.

В этот момент Тестаньер приказал отступить за пределы досягаемости, оставив тела, но взяв с собой раненых. У горстки выживших бойцов Народной Республики было три машины. Возможно, они смогли бы добраться до открытой местности, вступить в контакт с наступающими войсками Эвинофана и, по крайней мере, найти временное убежище в лагере военачальника по другую сторону гор.

Но королевская армия наконец-то выступила в полную силу, и беглецы наткнулись на первый блокпост, не проехав и двух километров. Тестаньер дал знак всем остальным оставаться в машинах, спешил и направился к блокпосту с открытыми и пустыми руками. Он бы помахал

традиционным белым носовым платком, если бы все, что на нем было надето или что он нес, не было черным от сажи и грязи.

"Я сдаюсь при условии оказания медицинской помощи нашим раненым", - сказал он.

На мгновение ему показалось, что командующий здесь сержант либо не говорит на стандартном английском, либо отклонит условие.

"Мы - боевые солдаты Народной Республики Хевен", - сказал он. "Мы имеем право на достойное обращение. Королевская армия сегодня понесла небольшие потери, но ситуация может измениться, если вы не примете нашу капитуляцию."

Поднялось несколько стволов, но из одной из машин вышел старший лейтенант и подошел к Тестаньеру. "Конечно, мы принимаем вашу капитуляцию на этих условиях". Он вытащил из-за пояса рацию и быстро заговорил на чуибанском диалекте, который Тестаньер знал достаточно хорошо, чтобы распознать в нем вызов медиков.

Затем он подошел к Тестаньеру так, чтобы его мог слышать только народный комиссар. "Наше обращение даже с вами будет достойным, но помните, что когда вы вернетесь на родину, все может измениться".

Это было большим преуменьшением, подумал Тестаньер. Он был мертвецом, и его семья и друзья могли умереть вместе с ним или, в лучшем случае, провести в тюрьме или трудовом лагере больше лет, чем они могли бы пережить.

Теперь лейтенант держал в руках свое собственное оружие, пистолет с одним зарядом без гильзы, прикладом вперед. "Честь, которую вы оказали всем присутствующим здесь, и которую мы хотим оказать вам, позволяет найти решение. Я надеюсь, вы не слишком переполнены "революционным сознанием" или любой другой подобной ерундой, чтобы забыть, что это такое".

Тестаньер решил не заставлять лейтенанта стрелять самому, что могло бы привести к плохим отношениям между королевской армией и выжившими людьми. Вместо этого он повернулся, отдал честь своим бойцам и лейтенанту, затем прошел пятьдесят метров по ближайшему переулку, прежде чем сунуть пистолет в рот.

Они вытащили тело Фернандо из горящего танка. Он выглядел кошмарно, но был жив и улыбался. У него даже хватило сил сунуть руку в нагрудный карман и вытащить маленький тщательно обернутый пакет.

"Близко к сердцу, как я и говорил, так будет всегда, когда тебя не будет", - сказал он. "Но сейчас тебе лучше забрать это. Я не хочу, чтобы медики пилились на это."

Теперь она поняла. Это был его довольно лестный для нее 3D снимок, на котором она была одета в то, что он называл "униформой для отдыха". Он был совершенно прав, не позволяя ему стать достоянием общественности.

Она потянулась за пакетом, но его рука опустилась, и пакет исчез. Внезапно он застыл совершенно неподвижно, по-видимому, неврежимый, но ужасно бледный. Слишком бледный - она могла видеть траву (и почему траву, в промышленной зоне?) сквозь него.

Он ушел. Она подняла руку, чтобы вытереть глаза — здесь никто не видел, как она плачет, — и увидела траву сквозь собственную руку. Она встала и смогла увидеть ее сквозь свои ступни и

ноги.

Но она все еще могла ими двигать. Вместо того чтобы вытереть глаза, она подняла руку в приветствии.

Офицер морской пехоты всегда отдавал честь команде, поднимаясь на борт.

Все жизненно важные показатели Шуны Райдер выровнялись, когда вернулся старшина Бексо. Он подозревал, что она не сможет услышать новость о том, что Королевская армия освободила Клеймор-3, оштрафовав их за незаконное проникновение и умышленный ущерб (три мертвых свиньи). Он надеялся, что она услышала радостные возгласы, когда пришли новости.

Затем он посмотрел вниз на видимую часть лица Райдер. На нем была не совсем улыбка — слишком много боли, да и слишком много наркотиков, для этого. Но, похоже, последнее, что она услышала, было чем-то, что на некоторое время отвлекло ее внимание от смертельных ран.

<http://tl.rulate.ru/book/60259/1553800>